

ГЛАВА 19. ГРЕХИ

Цуй Сян рухнул на землю, потеряв всякое достоинство от страха.

— Юй... Юй... Юй Ваньэр! — заикаясь, выдавил он.

Е Цяоцяо тоже застыла от ужаса. Прут выпал из её ослабевших пальцев, но она даже не заметила этого, не в силах оторвать взгляда от призрачной фигуры в белом.

Цуй Сян принялся иступлённо биться лбом о камни. Глухие удары раздавались в мертвенной тишине двора.

— Юй Ваньэр, ты сама оступилась и упала в воду! Мы тут ни при чём! Мы не желали тебе зла! — вопил он, захлёбываясь словами. — Твой муж, его родители — они все умерли от болезни! Я знаю, что твоя судьба была горькой, но мы клянёмся, мы невинны! Прошу, пощади нас...

Вспомнив слухи о том, что молодую женщину могли убить, он в отчаянии добавил:

— Если у тебя и впрямь осталась обида, иди к тем, кто лишил тебя жизни...

От былой дерзости Е Цяоцяо не осталось и следа. Она забилась за спину мужа, и с каждым его словом она становилась всё бледнее, а её сотрясала крупная дрожь. Цуй Сян, не переставая кланяться, схватил жену за рукав, заставляя её очнуться от оцепенения. Словно во сне, Е Цяоцяо присоединилась к нему. Они бились лбами о плиты с такой силой, что нежная кожа лопнула, окрасив камни кровью. Но они не смели остановиться, продолжая молить о пощаде с закрытыми глазами.

Прошло немало времени, прежде чем Цуй Сян решился поднять голову. Вокруг было пусто. Юй Ваньэр исчезла. Словно лишившись всех сил, он обмяк на земле. Однако страх не позволил ему долго оставаться на месте — это проклятое поместье жгло ему пятки. Игнорируя разбитый лоб и подвернутую ногу, он рванулся к воротам. Е Цяоцяо, спотыкаясь, бросилась следом.

Тяжёлые створки распахнулись на удивление легко, но снаружи их ждало лишь безмолвие. Ни кареты, ни слуг — всё исчезло. Взаимно поддерживая друг друга, супруги в немом ужасе побрели в сторону дома. Путь казался бесконечным, но они не смели даже шептать от страха, пока, наконец, впереди не показались очертания их собственного поместья.

Надежда вспыхнула было в их сердцах, но тут же погасла, сменившись запредельным ужасом. У ворот дома они увидели человека.

Это был Линь Цюн — муж Юй Ваньэр.

Он выглядел так, каким Цуй Сян видел его в последний раз: избитый, в синяках и кровоподтёках, изгнанный слугами из дома богача. Память мгновенно воскресила события годичной давности.

***

Год назад в городке Фэнхуэй вспыхнула эпидемия. Смерть косила людей ежедневно, и страх окутал город тяжёлым саваном. Цуй Сян, не долго думая, заперся в своём особняке и закрыл все аптечные лавки. Тогда к нему пришёл Линь Цюн. Врач нашёл способ лечить заразу, но времени на закупку ингредиентов не оставалось. Он умолял Цуй Сяна открыть склады, обещая заплатить за лекарства по рыночной цене, лишь бы спасти жителей.

«Сердце лекаря — милосердие», — таков был закон Линь Цюна. Но он забыл, что Цуй Сян был торговцем, а для торговца превыше всего выгода. Цуй Сян почувал наживу. Он согласился предоставить травы при условии, что Линь Цюн отдаст ему рецепт.

Чистый душой Линь Цюн, не раздумывая, передал бумагу. Слава была ему ни к чему, когда на кону стояли жизни сотен людей. Однако Цуй Сян нарушил клятву. Он начал продавать лекарство по баснословным ценам. Те, у кого не было денег, отдавали землю, дома, даже собственных детей в рабство. У кого не было ничего — отправлялись домой дожидаться смерти.

Узнав об этом, Линь Цюн бросился к Цуй Сяну, но был жестоко избит слугами у его ворот.

Затаив дыхание, Цуй Сян и Е Цяоцяо наблюдали, как призрачный Линь Цюн спускается по ступеням и идёт к своему дому. Они не смели преследовать его, но образ лекаря стоял перед ними. Вот он идёт в управу, но чиновник, подкупленный Цуй Сяном, притворяется больным и отказывается принимать жалобу. Избитый, хромящий Линь Цюн возвращается домой. Несмотря на собственные раны, он достаёт последние запасы трав из своей лавки, пытаясь спасти тех, кто ещё дышал.

Люди шли на всё, лишь бы выжить. Продавали последнее, влезали в долги, но покупали лекарства у Цуй Сяна. Линь Цюн терзался от собственного бессилия. Месяц спустя мор начал отступать.

Последним пациентом Линь Цюна стал маленький нищий, живший под мостом. Если бы врач не подобрал его, мальчишка был бы обречён. Трав оставалось ровно на одну порцию. Но никто не знал, что Линь Цюн, постоянно контактируя с больными, сам заразился.

Выбор между собой и безродным сиротой для Линь Цюна не существовал. Он отдал шанс на спасение мальчишке.

Юй Ваньэр не могла смотреть, как угасает её муж. Тайком от него она отправилась в поместье Цуй молить о помощи. На складах Цуй Сяна высились горы целебных трав, но ей не дали ни травинки.

— Заболел? — усмехнулся Цуй Сян, похотливо глядя на неё. — Как же так? Разве он не «святой лекарь»? Стольких спас, а себе помочь не может?

Он попытался схватить Юй Ваньэр за руку, шепча гадости, но в этот момент в комнату ворвалась Е Цяоцяо. Она осыпала несчастную женщину оскорблениями и выгнала взащей.

Юй Ваньэр вернулась домой, на ходу поправляя растрёпанные волосы и одежду, чтобы не волновать мужа и стариков-родителей. Линь Цюн сгорал быстро. Он покрылся гниющими язвами. В бреду он просил жену уйти, не подходить к нему, но она лишь крепче прижимала его к себе, обливаясь слезами.

— Я не уйду, — шептала она. — Мы всегда будем вместе.

Маленький нищий, живший при лавке, узнал, что Линь Цюн отдал ему последнее лекарство. Едва встав на ноги, он ночью попытался украсть травы из лавки Цуй Сяна, и его едва не загрызли псы. Он полз назад к дому лекаря, сжимая в руках окровавленные стебли, но было слишком поздно.

Юй Ваньэр оплакивала тело мужа. Мальчишка, прислонившись к стене, стискивал зубы, глотая слёзы горечи. Смерть сына подкосила стариков — вскоре они ушли вслед за ним.

Юй Ваньэр осталась совсем одна.

Нищий по имени А-Яо, боясь ранить её своим присутствием, не входил в дом, но неотступно следовал за ней, охраняя её покой. Когда эпидемия окончательно утихла, многие мужчины в городе, польстившись на красоту одинокой вдовы, начали донимать её. Они ломались в двери по ночам, шептали гадости. А-Яо не раз отгонял наглецов, но на следующий день их жены врываются к Юй Ваньэр с криками, обвиняя её в соблазнении их мужей.

Для их ненависти нашлось удобное оправдание: «У неё нет денег, ей надо на что-то жить, вот она и торгует собой».

А-Яо задыхался от ярости. Жительницы города давно косо смотрели на Юй Ваньэр — слишком уж она была красива, слишком часто их мужья заглядывались на неё. Их злоба, копившаяся годами, прорвалась, как гнойник. Двери дома Линь обкидывали тухлыми яйцами и помоями. А-Яо каждое утро, ещё до рассвета, вытирал грязь своей одеждой, чтобы сестра не видела этого уродства.

Однажды, когда он собирал скорлупу с порога, дверь открылась. Юй Ваньэр пригласила его войти и накормила горячей лапшой. Она всё знала.

С того дня они стали жить как брат и сестра. А-Яо обрел дом и имя, он дорожил каждой минутой этой новой жизни. Но вскоре Юй Ваньэр спросила его:

— А-Яо, ты хочешь уехать отсюда? Начать всё сначала в другом месте?

Она улыбалась, и в её глазах впервые за долгое время светилась надежда. Она призналась, что ждёт ребёнка. Ребенок, которого она носила, был продолжением жизни Линь Цюна, её новым смыслом.

Они решили уйти на рассвете. Но уже в пути Юй Ваньэр вспомнила о вещах мужа, которые забыла забрать. Это были бесценные для неё реликвии. Она попросила А-Яо подождать у ворот, а сама вернулась.

На мосту она столкнулась с Е Цяоцяо.

Цуй Сян всё никак не мог забыть красавицу-вдову, и его жена, снедаемая ревностью, следила за каждым его шагом. Увидев Юй Ваньэр одну, Е Цяоцяо дала волю своей ненависти. В завязавшейся потасовке она столкнула женщину в воду.

Юй Ваньэр пыталась выплыть, но обезумевшая Е Цяоцяо подхватила багор, лежавший на мосту, и принялась бить им по голове несчастной, загоняя её под воду. Вскоре круги на воде стихли.

Осознав, что натворила, Е Цяоцяо в ужасе скрылась, приказав верному слуге Девятому замести следы. Тот пробрался в дом Линь и подделал предсмертную записку. Юй Ваньэр была из образованной семьи, её почерк был изящным — она часто переписывала рецепты для мужа. Ирония судьбы: каллиграфия, служившая спасению жизней, была использована, чтобы скрыть убийство.

Для чиновника этой бумажки хватило, чтобы признать смерть самоубийством.

А-Яо, не дождавшись сестры, бросился назад и увидел на берегу толпу. Сердце его оборвалось. Когда он увидел безжизненное, бледное тело Юй Ваньэр, мир для него рухнул.

— Она не могла убить себя! — кричал он в суде.

Но его лишь избили палками и вышвырнули на улицу.

Призрак Юй Ваньэр стоял рядом с мальчиком, безучастно глядя, как он голыми руками роет ей могилу, обливаясь слезами. В этот момент из темноты вышли несколько местных парней — соседей, которых когда-то лечил её муж. Они равнодушно осмотрели тело, сорвали с покойницы украшения — серебряную шпильку и нефритовый браслет, подарок свекрови. А-Яо пытался помешать им, но его жестоко избили. Парни ушли, смеясь и обсуждая, в каком кабаке пропьют награбленное.

А-Яо выл от отчаяния, и каждый его вскрик вонзался в сердце Юй Ваньэр.

Хлынул дождь. Глядя на это торжество низости, Юй Ваньэр вдруг разразилась безумным, леденящим хохотом.

Они с Линь Цюном всю жизнь несли миру добро, но мир втоптал их в грязь. Люди, которых они спасали от смерти, теперь грабили её труп. Линь Цюн учил не ждать благодарности, но она не ждала, что её будут гноить заживо.

Чёрная ненависть захлестнула её душу.

Она хотела знать: неужели их сердца действительно сделаны из плоти?

Юй Ваньэр последовала за грабителями. Одного за другим она настигла их и вырвала их сердца. Стоя над окровавленными телами, она смотрела на бьющийся в её руках алый комок, и плакала кровавыми слезами.

«Странно, — думала она. — Сердце такое красное и тёплое. Как же оно могло быть таким черным?»

В ту ночь жажда мести стала её единственным смыслом. Она больше не могла остановиться.

<http://bllate.org/book/17489/1712248>